

Шаповалова И. С., Ковальчук О. В.

САМОСОХРАНИТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ: РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ И ИНТЕРЕСОВ

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», 308015, г. Белгород

В статье изложены результаты исследования самосохранительных стратегий региональной молодежи, полученные в ходе проведения массового опроса в 2023 г. («Жизненные стратегии региональной молодежи»; N=5881). Исследование позволило ответить на вопросы о существующих в молодежной среде самосохранительных диспозициях и самосохранительных моделях поведения, жизненных планах молодежи. По отношению к здоровью были выделены группы четырех типов на основании соотношения признаков осознания ценности здоровья и целенаправленных действий по его сохранению. Исследование показало положительную динамику в отношении увеличения количества молодежи в группе осознанного типа и уменьшение групп с деструктивным отношением к своему здоровью. Важным научным результатом стало определение веса стратификационных признаков в отношении воспроизводства неравенства по вопросам реализации самосохранительных стратегий молодежи. Так, поселенческий признак, хотя и указывает на элементы определенного неравенства в возможностях, не несет в себе достаточного веса, в то время как экономический статус молодежи существенно влияет не только на ее жизненные планы относительно здоровьесохранения и продолжительности жизни, но и на самосохранительные диспозиции.

Ключевые слова: молодежь; национальные проекты; самосохранительные стратегии; самосохранительное поведение; здоровье.

Для цитирования: Шаповалова И. С., Ковальчук О. В. Самосохранительные стратегии молодежи: реализация национальных проектов и интересов. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2025;33(1):33—41. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2025-33-1-33-41>

Для корреспонденции: Шаповалова Инна Сергеевна, д-р социол. наук, доцент, зав. кафедрой социологии и организации работы с молодежью ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», e-mail: shapovalova@bsu.edu.ru

Shapovalova I. S., Kovalchuk O. V.

THE SELF-PRESERVING STRATEGIES OF THE YOUTH: IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS AND INTERESTS

The Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “The Belgorod State National Research University”, 308015, Belgorod, Russia

The article presents results of studying self-preserving strategies of regional youth obtained during through mass survey “Life Strategies of Regional Youth” in 2023. The survey clarified issues of self-preserving dispositions, behavior models and life plans of the youth. In relation to health, groups of four types were identified based on ratio of signs of awareness of value of health and purposeful actions of preserving it. The study demonstrated positive dynamics related to increasing of the number of the youth in group of being aware type and decreasing of the number of groups with destructive attitude to their health. The important scientific result became determination of weight of stratification signs related to reproduction of inequality in issues of implementation of self-preserving strategies of the youth. Thus, settlement sign, although indicating on elements of certain inequality in opportunities, brings no sufficient weight, while economic status of the youth significantly impact not only on life plans regarding health preservation and length of life, but also on self-preserving dispositions.

Keywords: the youth; national project; self-preserving strategy; self-preserving behavior; health.

For citation: Shapovalova I. S., Kovalchuk O. V. The self-preserving strategies of the youth: implementation of National projects and interests. *Problemi socialnoi gigieni, zdravoookhranenia i istorii meditsini*. 2025;33(1):33—41 (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2025-33-1-33-41>

For correspondence: Shapovalova I. S., doctor of sociological sciences, associate professor, the Head of the Chair of Sociology and Organization of Work with Youth of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “The Belgorod State National Research University”, e-mail: shapovalova@bsu.edu.ru

Conflict of interests. The authors declare absence of conflict of interests.

Acknowledgment. The study was prepared with financial support of State Task FZWG-2023-0016, topic “The life strategies of the youth in conditions of geopolitical transformation of the Russian space”.

Received 12.08.2024
Accepted 31.10.2024

Введение

Национальные интересы, связанные с повышением рождаемости, продолжительности жизни и здоровья граждан, отраженные в национальных программах развития нашей страны, являются ориентацией на результат эффективных самосохранительных стратегий населения, что позволяет говорить о необходимости направленного воздействия на формирование оптимальных ценностных устано-

вок, моделей поведения и жизненных планов в периметре субъективного здоровьесбережения граждан. Создание таких паттернов прежде всего требует и более вероятно для молодежи, что подтверждает увеличение количества и масштаба мероприятий социальных политик (в том числе молодежной политики) в данном направлении. Прежде всего такие мероприятия связаны с формированием установок на здоровый образ жизни (ЗОЖ), на регулярные занятия физкультурой и спортом, проведение профи-

лактических мероприятий в отношении вредных привычек, а также направлены на конструирование норм превентивного реагирования на возможные риски в отношении здоровья (профилактические медицинские осмотры, ранняя диагностика социальных заболеваний, информированность о первых симптомах заболеваний, медицинская грамотность).

По нашему убеждению, важным фактором ориентации на эффективные самосохранительные стратегии можно считать жизненные планы молодежи на долготлетие: формирование долгосрочного горизонта планирования определяет более протяженную жизненную перспективу и бережное отношение к одному из главных ресурсов для осуществления такого плана — состоянию здоровья. Желание вести активный образ жизни в преклонном возрасте побуждает к возникновению привычек относительно ЗОЖ, выбору активного досуга, физической культуры и спорта как формы времяпрепровождения. Формирование у молодежи установок на долготлетие — сложная задача с многофакторным спектром воздействия на ее решение. Так, по нашему мнению, недостаточно трансформировать влияние социализационных институтов и организовать мероприятия, репродуцирующие соответствующие ценности в молодом возрасте. Цель, связанная с долготлетием, должна стать привлекательной, в том числе в связи с трансляцией позитивного примера среди населения старшего возраста, что возможно только при поддержке социальной политики государства и изменения парадигмы медицинского обслуживания с «обеспечения и поддержания здоровья» на «здоровьеохранение».

Самосохранительные стратегии молодежи вызывают интерес со стороны отечественных социологов и часто являются предметом исследования. Как правило, социологи ориентируются на вопросы, каких установок придерживается молодежь в реализации самосохранительных стратегий, прежде всего по отношению к ЗОЖ [1—3], какое самосохранительное поведение демонстрирует [4], в том числе в возрастной динамике и поколенческой стратификации [5]. Есть работы, рассматривающие самосохранительные стратегии в контексте всей системы жизненных стратегий, что позволяет увидеть самосохранительные паттерны в общем социальном портрете молодежи [6], установить причинно-следственные связи между разными социальными сферами жизненного планирования.

Бифуркационным моментом в формировании системы жизненных ценностей, в том числе ценностей здоровья и ЗОЖ, стал период пандемии. Его влияние исследователи отмечают как в части формирования новых установок, навыков, привычек молодежи [7, 8], так и относительно увеличения ценности здоровья и самосохранительного поведения вообще [9].

В контексте связи самосохранительного поведения с национальными проектами, например таким, как «Демография», где акценты сделаны в том числе

на семью и рождение детей, исследователи обращают внимание и на связь самосохранительных стратегий с репродуктивными установками, брачным поведением молодежи. Так, Т. К. Ростовская и Е. Н. Васильева, выбирая в качестве объекта исследования студенческие семьи, анализируют брачные, репродуктивные и самосохранительные стратегии членов студенческих семей и приходят к выводу, что «в некоторых случаях родители членов молодых студенческих семей формируют установки молодежи на отложенное родительство, передают отрицательное отношение к пожилому возрасту и повышению продолжительности жизни, что негативно влияет на стратегии самосохранительного поведения молодых людей» [10, с. 74], тем самым поднимая проблему социализации через институт родительской семьи в отношении матримониальных самосохранительных стратегий. Связь самосохранительных и репродуктивных установок студенческой молодежи подчеркивается и в междисциплинарном исследовании А. И. Малышкиной и соавт. [11].

В условиях реализации национальных проектов «Здравоохранение» и «Экология» становятся актуальными исследования, посвященные оценке и самооценке состояния здоровья молодежи [12, 13], а также работы, акцентирующие внимание на подготовке специалистов, ориентированных на ценности здоровьесбережения в своей последующей деятельности, это касается, например, работников сферы социальной защиты [14].

Отдельно можно выделить исследования, в которых молодежь оценивает эффективность предлагаемых мероприятий молодежной политики, в том числе в области самосохранительного поведения и здоровьесбережения молодежи. В данных работах удается увидеть проблемы информированности, вовлеченности молодых людей в такие мероприятия, получить обратную связь о существующих проблемах с точки зрения молодежи [15].

Учитывая научный и исследовательский дискурс по проблеме, авторы статьи ставят своей целью проанализировать ключевые диспозиции и жизненные планы молодежи в контексте самосохранительных стратегий как результата и ресурса национальных проектов и уточнить влияние стратификационных факторов на возможность их реализации для региональной молодежи.

Материалы и методы

Для реализации цели статьи были использованы материалы мониторинга социальных стратегий молодежи, который Международный центр социологических исследований НИУ «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (БелГУ) осуществляет с 2018 г. на территории Белгородской области. В статье предложены результаты последней волны онлайн-опроса, проведенной в ноябре 2023 г., респондентами стала региональная молодежь ($N=5881$), выборка квотная по отношению к полу, возрасту, типу поселения и

Здоровье и общество

территории проживания. Для раскрытия темы статьи использован блок исследования, посвященный самосохранительным стратегиям (для рассмотрения динамики в этом вопросе можно ознакомиться со статьей И. С. Шаповаловой, где даны результаты мониторинга за 2020 г. [16]).

Дополнительными стратификационными признаками в исследовании выступали группы молодежи (учащаяся, студенческая и работающая), а также экономический статус молодежи и их семей (распределение по группам дохода от низкого — использовалась группа с доходом ниже среднего, поскольку количество респондентов в группе с низким доходом было не репрезентативно, — до высокого). Пилотажные исследования диагностических материалов проходили на основе опроса будущих респондентов (региональной молодежи, $N=40$), которые проверили доступность для понимания предлагаемых вопросов, а также экспертной оценки со стороны социологов-исследователей, социологов-методологов, представителей органов государственной власти и органов управления молодежной политики, заинтересованных в получении результатов мониторинга ($N=8$). Набор выборки осуществляли через рекрутинг на основе технического задания (количество рекрутеров превысило 250 человек, что позволило соблюсти территориальную представленность молодежи в условиях сложной ситуации приграничного региона).

Несмотря на то что исследование выполнено на одном регионе, есть возможность восприятия его результатов как системных: Белгородская область, с одной стороны, является развитым регионом с высоким уровнем жизни, с другой — находится в трудной ситуации прифронтовой действительности; возможности и риски территории выравнивают результаты исследования молодежи по отношению к другим регионам. Достоверность результатов также обеспечена репрезентативной и валидной выборкой, методикой проведения, позволившей получить доступ к молодежи даже в труднодоступных районах области.

Результаты исследования

Самосохранительные стратегии молодежи показывают нам перспективу возможного изменения демографических показателей и одновременно динамику отношения молодежи не только к продолжительности жизни, но и к ее качеству. В исследовании была использована типология, позволившая разделить молодых людей по отношению к своему здоровью на четыре основных типа: сознательный (воспринимающий здоровье как ценность и важный ресурс, осуществляющий целенаправленные действия по его сбережению), осознающий (понимающий ценность здоровья и старающийся относиться к нему бережно), перспективный (воспринимающий здоровье как неисчерпаемый ресурс и откладывающий внимание к нему на более поздние сроки, в связи с молодым возрастом в том числе), не сознательный (не воспринимающий здоровье как нечто важное и жизнеопределяющее, ведущий часто нездоровый образ жизни, без заботы о своем здоровье). Так, к типам, отличающимся установками на ЗОЖ и внимательным отношением к своему здоровью (сознательный и осознающий типы), относятся 81,8% молодежи; типы, не отличающиеся бережным отношением к ресурсу своего здоровья, составляют 18,2%, в том числе открыто признаются в нецелесообразном расходовании этого ресурса 4,7%.

Рассматривая 3-летнюю динамику изменения диспозиций по отношению к своему здоровью среди молодежи, можно сказать, что внимание к программам его сохранения и сбережения, актуализированное в период пандемии, а также ориентир на приобщение молодежи к физической культуре и спорту, открытие и поддержка соответствующей инфраструктуры по регионам дали значимый рост группы молодежи осознанного типа (с 21,3% в 2021 г. до 33,8% в 2023 г.), определили уменьшение групп, относящихся к перспективному типу (с 17,7 до 13,6%) и неосознанному типу (с 7,2 до 4,7%).

Стратификация молодежных групп относительно данной типологии показывает, что среди учащейся молодежи незначительно превалирует по отношению к другим группам сознательный тип

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос: «К какой из групп Вы себя относите?» в зависимости от их статуса.

Рис. 2. Ответы респондентов на вопрос: «К какой из групп Вы себя относите?» в зависимости от места их проживания.

(рис. 1), что может быть обусловлено большим вниманием к данному вопросу со стороны школьной системы в плане образования и воспитания. Среди работающей молодежи чаще, чем в других группах опрошенных, встречается перспективный тип, а также более характерен, чем для других групп, неосознанный тип поведения. Скорее всего, в данный возрастной период внимание направлено на профессиональную сферу, превалирует интерес к карьерным стратегиям, стратегии самосохранения откладываются на более поздний срок. В целом ориентация на здоровье для учащейся молодежи составляет 84,6%, для студенческой — 81,5%, для работающей — 76,8%.

Молодежь среднего города (размер населения такого города составляет от 100 тыс. до 1 млн человек) дает преимущественный по отношению к другим группам сознательный тип, в сельской же местности значительно превалирует осознанный (рис. 2), что может указывать на некоторый дефицит ресурсной базы в реализации самосохранительных стратегий

для молодежи (например, относительно спортивной инфраструктуры), когда сельская молодежь, формируя установки на ЗОЖ, не может реализовать их на практике. В целом для молодежи сельских поселений установка на здоровье составляет 82,0%, для малых городов (размер населения такого города составляет до 100 тыс. человек) — 81,0%, для средних городов — 82,2%. Отсутствие выраженной разницы в показателях демонстрирует выравненные условия социализации и формирования изначальных установок в самосохранительных ориентирах для молодежи разных поселений.

Среди разных экономических групп ориентация на активное сохранение здоровья более всего выражена у молодежи с высоким уровнем экономического благополучия, все формы неэффективного самосохранения более всего представлены для группы с низким уровнем экономического дохода (рис. 3). Такая явная стратификация указывает не только на большую ресурсную обеспеченность экономически благополучных групп в плане реализации самосо-

Рис. 3. Ответы респондентов на вопрос: «К какой из групп Вы себя относите?» в зависимости от их экономического статуса.

Рис. 4. Ответы респондентов на вопрос: «Можно ли сказать, что Вы систематически занимаетесь физической культурой и спортом?».

хранительных стратегий, но и на явно выраженный акцент в формировании ценностей в период ранней социализации (в семье), когда здоровье рассматривается как ресурс благополучия, а также в качестве социальной черты финансово обеспеченных и успешных людей. Можно также говорить о «социальной моде» для обеспеченной молодежи. Безусловно, ресурсный дефицит может накладывать отпечаток на набор и изменение установок для молодых людей, чьи семьи не так обеспечены финансово, но разница в распределении типов однозначно подчеркивает вероятность целенаправленного формирования ценности здоровья в обеспеченных семьях и отсутствие должного внимания к этой теме в семьях с невысоким экономическим статусом.

В рамках реализации молодежной политики большое количество программ и проектов посвящено приобщению молодежи к спорту, лозунг «О, спорт, ты — жизнь!» стал практически повсеместным. Была составлена карта спортивного вовлечения молодежи, где на первом месте стоят фитнес, волейбол, плавание, что скорее подчеркивает не столько вовлеченность молодежи в спорт, сколько приобщение к физической культуре.

По своей вовлеченности, интенсивности и периодичности занятий спортом и физической культурой молодежь четко разделилась на группы (рис. 4). Больше всего тех, кто старается систематически заниматься физической культурой, но это получается не всегда (27,6%). Достаточно представлена группа тех, кто регулярно занимается спортом (23,8%). Профессионально вовлеченных в спорт чуть менее 20%. Случайная вовлеченность характерна для 14,6%, группа не занимающихся спортом совокупно составляет 15,4%. Можно считать такое распределение относительно положительным — молодежь, не ориентированная на вовлечение в физическую культуру и спорт, составляет не более 30%, что при установлении целевых ориентров для молодежной политики можно считать точкой начала в реализа-

ции тематических проектов. Можно прогнозировать, экстраполируя динамику, что в 2024 г. мониторинг покажет не более 25% в данной группе, а к 2025 г. в ней останется только 20%, что практически соответствует закону нормального распределения (как в математическом, так и в социальном плане).

В самосохранительных стратегиях молодежи также стоит отметить важные жизненные выборы, свидетельствующие о возможности реализации целей национальных проектов и изменении самосохранительного менталитета (мышления, установок, ориентиров, ценностей, представлений). Так, обязательным в дальнейшем для 62,2% молодежи становится неупотребление табака и других вредных веществ, для 61,6% — занятия спортом (в 2022 г. таких было 51%), для 58,7% — отказ от алкоголя. Важным и обязательным ориентиром для половины опрошенных становятся и превентивные самосохранительные практики (контроль собственного здоровья, здоровое питание; рис. 5). Возрастание осознанности в самосохранительных практиках выводит молодежь на новые уровни целей: появляется потенциал спортивного волонтерства, который составляет 34,3% (в 2022 г. было 28%). Это может быть использовано в проектах и мероприятиях молодежной политики регионов, связанных с повышением интереса к спорту среди молодежи и детей (и населения иных возрастов), развитию параспорта, реабилитации и абилитации граждан (в том числе бывших военнослужащих). В целом самосохранительные практики стоят в жизненных планах как минимум 50% молодых людей на обязательной позиции (кроме спортивного волонтерства), что показывает включение их в пространства жизненного планирования, наряду с карьерными, образовательными, семейными и экономическими стратегиями.

Перспектива жизненного рубежа (возраста жизни) является сложным индикатором не только субъективного ощущения желания жить и жить полноценно, но и косвенной оценки качества жизни

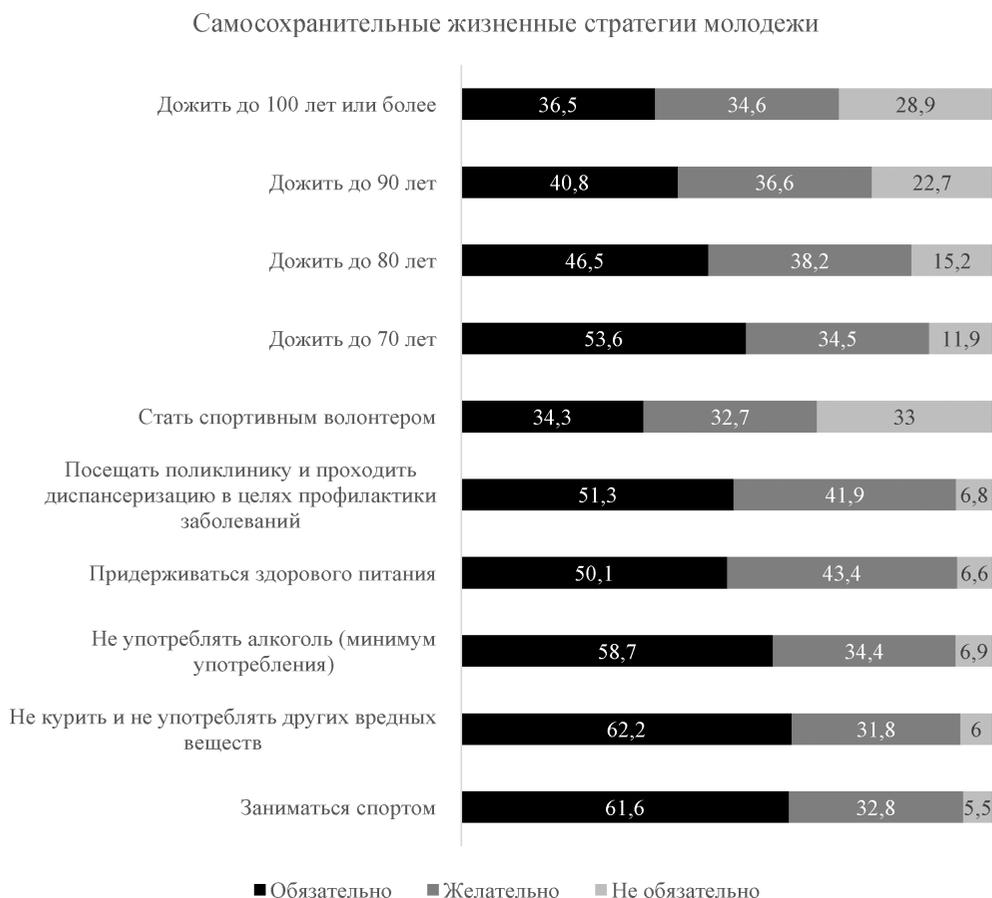

Рис. 5. Ответы респондентов на вопрос: «Насколько важно для Вас в будущем предпринять следующие шаги?».

возрастного окружения, оценки возможностей и условий для полноценной жизни в преклонном возрасте. Возрастные рубежи дожития, которые были зафиксированы в 2023 г., показали возрастающую динамику горизонта жизненного планирования среди молодежи — большая часть молодых людей ориентируется на 70-летний рубеж (53,6%, в 2022 г. было 49%) и 80-летний (46,5%, было 43,4%). К 90 и 100 годам стремятся только 40,87 и 36,5% (было 37,3 и 33,1%). Интересным в исследовательском плане можно считать тот факт, что для молодых мужчин каждый рубеж дожития получает значительно больший показатель в выборе варианта «обязательно», чем для девушек (разница составляет примерно 5% в случае 70 и 80 лет, почти 7% в случае 90 лет и почти 8% в случае 100 лет). Такой гендерный дисбаланс показывает большую заинтересованность в жизни для мужчин, возможно больший волевой компонент, но одновременно, скорее всего, говорит о более сложном «райдере» дожития для женщин — вопросы внешности, молодости для женского населения являются важным критерием принятия решений и определения возрастных перспектив, интересных для реализации.

Также мы наблюдаем более весомую ориентацию на высокие рубежи жизни для молодежи средних городов, по отношению к малым городам и сельским поселениям, что показывает заинтересован-

ность в жизни в целом и возможность сохранить свое здоровье для сохранения качества жизни. Но большее неравенство возможностей в этом вопросе показывает распределение в желаниях дожития между группами молодежи, относящимися к разному социальному статусу, — ощутимый разрыв в ориентации на высокую продолжительность жизни среди молодых людей с высоким и с низким уровнем материального благополучия действительно впечатляет: для 70 лет в ответах «обязательно» такой разрыв составляет более 23%, для остальных возрастов — 20—21%. Промежуточные группы демонстрируют нисходящую динамику, устанавливая однозначную закономерность: чем ниже материальное благополучие молодежи, тем ниже их планируемый горизонт жизни.

Обсуждение

Рассматривая полученные результаты в контексте существующего научного дискурса, хочется отметить прежде всего то, что исследования подобного рода трудно соотносимы с зарубежным опытом — затруднительно найти в международной научной периодике данные о самосохранительных стратегиях молодежи в контексте прогноза жизненных выборов, отношения к своему здоровью, научные интересы здесь более конкретны, направлены на практическую проблему, связанную, как правило,

Здоровье и общество

с объективным, действующим фактором и демонстрацией реакции молодежи на него (или установление определенной каузальной зависимости между состоянием и поведением молодежи и конкретной ситуацией). Например, проблема суицида в период пандемии среди молодежи [17], демографические показатели в группе ВИЧ-инфицированной молодежи [18], очень конкретная ситуация и исследование, посвященное изучению факторов риска для психического здоровья и прогнозированию употребления психоактивных веществ среди молодежи коренных народов, находящихся на домашнем уходе [19], — таких исследований с максимально точечной проблематикой достаточно много в данном направлении [20, 21].

Можно сделать вывод, что разница научных интересов между российскими и зарубежными учеными состоит в восприятии самого понятия «самосохранение», что предполагает для российского научного сообщества выбор исследовательских концепций, связанных, как правило, с более широкой проблемной ситуацией и возможностью прогноза, в то время как зарубежные ученые скорее выходят на социальные технологии, практики социальной защиты и медицинскую (или иную) статистику, что предопределяет междисциплинарность контента. В каждой научной позиции, безусловно, есть положительные и отрицательные моменты, но отчетливые исследования позволяют выйти на определенную динамику системных показателей относительно культуры самосохранительного поведения молодежи, установить поколенческие тренды и динамические тенденции.

Рассматривая полученные результаты в контексте существующих исследований, стоит подчеркнуть, что в самосохранительных стратегиях молодежи разных регионов есть различительные моменты, на наш взгляд, связаны они не только со временем проведения исследования, с их методикой и целями, но и с региональной ситуацией, которую определяет и молодежная политика территории. Акцент на самосохранении, который был сделан, например, в Белгородской области, показал свои результаты в виде положительной динамики типов, ориентированных на здоровьесбережение и эффективное самосохранительное поведение, на рост числа молодых людей, ориентированных на высокую продолжительность жизни, на выбор положительных самосохранительных практик как обязательных элементов жизнедеятельности. Динамика отмечена нами и в количестве молодежи, заинтересованной и вовлеченной в мероприятия физической культуры и спорта.

Стоит сказать о каузальном влиянии друг на друга всех социальных стратегий, которое можно считать взаимным. Более эффективные выборы (с позиции национальных приоритетов, идей, интересов) в одних социальных стратегиях ведут к эффективным выборам, в других, например, молодежь, ориентированная на традиционные семейные ценности, имеющая обязательные выборы по вступле-

нию в брак, рождению большого количества детей, как правило, чаще других показывает обязательные выборы по типам, ориентированным на эффективные самосохранительные практики, она чаще вовлечена в спорт, готова к спортивному волонтерству. Молодежь, эффективная с позиции самосохранительных стратегий, чаще выбирает активный досуг (досуговые стратегии), участвует в общественных мероприятиях (общественные стратегии), стремится к самореализации (самореализационные стратегии). Таким образом, целенаправленно воздействуя или поддерживая определенные стратегии молодежи, регион получает синергическое приращение социальной эффективности по всем остальным важным акцентам в жизненных приоритетах молодых людей, тем самым повышая перспективное качество регионального человеческого капитала, фундамент будущего регионального развития.

Заключение

Подводя итог исследованию самосохранительных установок и жизненных выборов молодежи, мы видим положительную динамику по важным показателям как фундаментального отношения к самосохранению (ценностям здоровья и жизни), так и по жизненным планам и ориентирам в реализации самосохранительных стратегий. Такая динамика обусловлена сложным сочетанием факторов социального характера (общий портрет ведущего поколения молодежи — поколения Z, для которого характерно внимание к своему здоровью, увеличению продолжительности жизни и необходимость сохранять ее качество на более долгий период) и управленческого (национальные проекты, входящие в них программы и мероприятия, создание инфраструктуры здоровьесохранения и сбережения, региональные акценты, внимание со стороны государственной молодежной политики).

Одновременно можно говорить об обратной возрастной динамике показателей по отношению к здоровью, обусловленной отложенным вниманием к нему и повышенным вниманием к реализации жизненных планов других стратегий (карьера, финансы, семья, досуг, самореализация).

Влияние стратификационных факторов в вопросах определения и реализации самосохранительных стратегий показало наличие и воспроизводство определенного неравенства — оно сохраняется в отношении молодежи сельских поселений, имеющих меньше возможностей и ресурсов для его сохранения, и очевидно в отношении групп молодежи с различным экономическим доходом. Такая ситуация актуализирует поиск путей преодоления этого неравенства, создания пространства равных возможностей для молодежи России. Понимание важности данного вопроса в контексте национального будущего, которое раскрывается в том числе через достижение запланированных результатов национальных программ, проектов и идей, даст возможность предложить дополнительные меры поддерж-

ки молодежи в реализации их самосохранительных стратегий.

Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного задания FZVG-2023-0016, тема «Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства».

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев Г. А., Гафиатулина Н. Х., Самыгин С. И. Формирование установки на здоровый образ жизни как мера профилактики девиантного поведения среди молодежи. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2019;(10):54—8.
2. Гареева И. А., Конобейская А. В. Здоровый образ жизни студенческой молодежи как социальная ценность и реальная практика (по материалам социологического исследования). *Власть и управление на Востоке России*. 2020;(4):178—90.
3. Корниенко В. В., Жидяева Е. С. Современные тенденции формирования здорового образа жизни молодежи. *Modern Science*. 2020;(4-3):352—6.
4. Федорищева Е. К., Гареева И. А., Косилов К. В. Методологические подходы к исследованию поведенческих стратегий в отношении здоровья у студентов медицинских университетов. *Социально-гуманитарные технологии*. 2020;(2):15—25.
5. Попова Л. А., Милаева Т. В., Зорина Е. Н. Самосохранительное поведение населения: поколенческий аспект. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021;14(5):261—76.
6. Кисиленко А. В., Шаповалова И. С. Проектирование жизненного пути или каким молодежь видит свое будущее? *Социологические исследования*. 2023;(2):83—94.
7. Блинова Т. В., Вьялшина А. А. Молодежь в период пандемии COVID-19: опыт болезни, опасения, отношение к мерам профилактики. *Островские чтения*. 2022;(1):183—8.
8. Латышев Д. М. Полезная и вредная пища в практиках питания православной молодежи екатеринбурга во время пандемии COVID-19. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2022;(5):37—41.
9. Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Молодежь в условиях первой волны пандемии: особенности отношения к здоровью и новой коронавирусной инфекции. *Социальная политика и социология*. 2021;20(3):51—9.
10. Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Брачные, репродуктивные, самосохранительные стратегии членов студенческих семей: по результатам глубинного интервью. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2024;(1):74—82.
11. Малышкина А. И., Кулигина М. В., Панова И. А., Рычихина Н. С. Самосохранительные и репродуктивные стратегии современной студенческой молодежи: медико-социологический анализ. *Женщина в российском обществе*. 2023;(4):113—22.
12. Осипова Г. С., Винокурова У. А. Самооценка качества жизни, связанного со здоровьем студенческой молодежи. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология*. 2023;(3):25—32.
13. Винокурова А. В., Гриценко О. А. Молодежь о здоровье и практиках здоровьесберегающего поведения: мнения, суждения, оценки. *Восточный вектор: история, общество, государство*. 2023;(1):3—8.
14. Лазуренко Н. В., Поленова М. Е., Подпоринова Н. Н. Здоровьесбережение в практике обучения специалистов по социальной работе: междисциплинарный подход. *Научные результаты в социальной работе*. 2023;2(2):68—85.
15. Шаповалова И. С. Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи. *Регионоведение*. 2021;29(4):902—32.
16. Шаповалова И. С. Самосохранительное поведение молодежи: и жили они долго и счастливо? В сб.: XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией Ю. Р. Вишневецкого, М. В. Певной. Екатеринбург; 2020. С. 181—8.
17. Choi N. G., Marti C. N., Choi B. Y. Serious suicidal thoughts, suicide plans, and mental health service use among youth during the

COVID-19 pandemic. *Children and Youth Services Review*. 2024;161(1):107665.

18. Kerin T., Cortado R., Nielsen-Saines K. Demographics of Youth With Newly Diagnosed Acute/Recent HIV Infection in Adolescent Trials Network 147: Early Treatment of Acute HIV Infection. *J. Adolesc. Health*. 2024;74(3):573—81.
19. Cullen G. J. Examining the risk and predictive factors for substance use and mental health among indigenous youth in out-of-home care. *Children and Youth Services Review*. 2023;150(1):106971.
20. Magan I. M., Patankar K. U., Ahmed R. The educational, social, and emotional impact of COVID19 on Rohingya refugee youth: Implications for educators and policymakers. *Children and Youth Services Review*. 2022;142(Nov):106619.
21. Hong K., Morelli N. M., Villodas M. T. Trajectories of adolescent psychopathology among youth who were maltreated and placed in out-of-home care. *Child Abuse Neglect*. 2022;128(6):105589.

Поступила 12.08.2024
Принята в печать 31.10.2024

REFERENCES

1. Vorobyov G. A., Gafiatulina N. Kh., Samygin S. I. Formation of an attitude towards a healthy lifestyle as a measure of preventing deviant behavior among young people. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*. 2019;(10):54—8 (in Russian).
2. Gareeva I. A., Konobeyskaya A. V. Healthy lifestyle of student youth as a social value and real practice (based on sociological research). *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 2020;(4):178—90 (in Russian).
3. Kornienko V. V., Zhidyayeva E. S. Modern trends in the formation of a healthy lifestyle among young people. *Modern Science*. 2020;(4-3):352—6 (in Russian).
4. Fedorishcheva E. K., Gareeva I. A., Kosilov K. V. Methodological approaches to the study of behavioral strategies towards health in medical university students. *Social'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2020;(2):15—25 (in Russian).
5. Popova L. A., Milaeva T. V., Zorina E. N. Self-preservation behavior of the population: generational aspect. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. 2021;14(5):261—76 (in Russian).
6. Kisilenko A. V., Shapovalova I. S. Designing a life path or how do young people see their future? *Sociologicheskie issledovaniya*. 2023;(2):83—94 (in Russian).
7. Blinova T. V., Vyalshina A. A. Young people during the COVID-19 pandemic: experience of illness, fears, attitudes towards preventive measures. *Ostrovskie chteniya*. 2022;(1):183—8 (in Russian).
8. Latshev D. M. Healthy and unhealthy food in the nutrition practices of Orthodox youth of Yekaterinburg during the COVID-19 pandemic. *Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik*. 2022;(5):37—41 (in Russian).
9. Zubok Yu. A., Chankova E. V. Young people in the context of the first wave of the pandemic: features of attitude towards health and new coronavirus infection. *Social'naya politika i sociologiya*. 2021;20(3):51—9 (in Russian).
10. Rostovskaya T. K., Vasilyeva E. N. Marital, reproductive, self-preservation strategies of members of student families: based on the results of an in-depth interview. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki*. 2024;(1):74—82 (in Russian).
11. Malyschkina A. I., Kuligina M. V., Panova I. A., Rychikhina N. S. Self-preservation and reproductive strategies of modern student youth: a medical and sociological analysis. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*. 2023;(4):113—22 (in Russian).
12. Osipova G. S., Vinokurova U. A. Self-assessment of the quality of life associated with the health of student youth. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Kul'turologiya*. 2023;(3):25—32 (in Russian).
13. Vinokurova A. V., Gritsenko O. A. Young people about health and health-preserving behavior practices: opinions, judgments, assessments. *Vostochnyj vektor: istoriya, obshchestvo, gosudarstvo*. 2023;(1):3—8 (in Russian).
14. Lazurenko N. V., Polenova M. E., Podporinova N. N. Health preservation in the practice of training social work specialists: an interdisciplinary approach. *Nauchnye rezultaty v social'noj rabote*. 2023;2(2):68—85 (in Russian).
15. Shapovalova I. S. Problems of implementation of state youth policy in the reflection of regional youth. *Regionologiya*. 2021;29(4):902—32 (in Russian).

Здоровье и общество

16. Shapovalova I. S. Self-preservation behavior of young people: and did they live happily ever after? In: XXII Ural sociological readings. National projects and socio-economic development of the Ural region. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Under the general editorship of Yu. R. Vishnevsky, M. V. Pevnaya. Yekaterinburg; 2020. P. 181–8 (in Russian).
17. Choi N. G., Marti C. N., Choi B. Y. Serious suicidal thoughts, suicide plans, and mental health service use among youth during the COVID-19 pandemic. *Children and Youth Services Review*. 2024;161(1):107665.
18. Kerin T., Cortado R., Nielsen-Saines K. Demographics of Youth With Newly Diagnosed Acute/Recent HIV Infection in Adolescent Trials Network 147: Early Treatment of Acute HIV Infection. *J. Adolesc. Health*. 2024;74(3):573–81.
19. Cullen G. J. Examining the risk and predictive factors for substance use and mental health among indigenous youth in out-of-home care. *Children and Youth Services Review*. 2023;150(1):106971.
20. Magan I. M., Patankar K. U., Ahmed R. The educational, social, and emotional impact of COVID19 on Rohingya refugee youth: Implications for educators and policymakers. *Children and Youth Services Review*. 2022;142(Nov):106619.
21. Hong K., Morelli N. M., Villodas M. T. Trajectories of adolescent psychopathology among youth who were maltreated and placed in out-of-home care. *Child Abuse Neglect*. 2022;128(6):105589.